

«Фантазия автора удивительная. Напоминает романы Филипа Пулмана  
и Нила Геймана». *London Times*

История  
ЧУДА и  
отваги

Девушка

и

чернил

и

звёзд

Киран Миллвуд Харгрейв

## Annotation

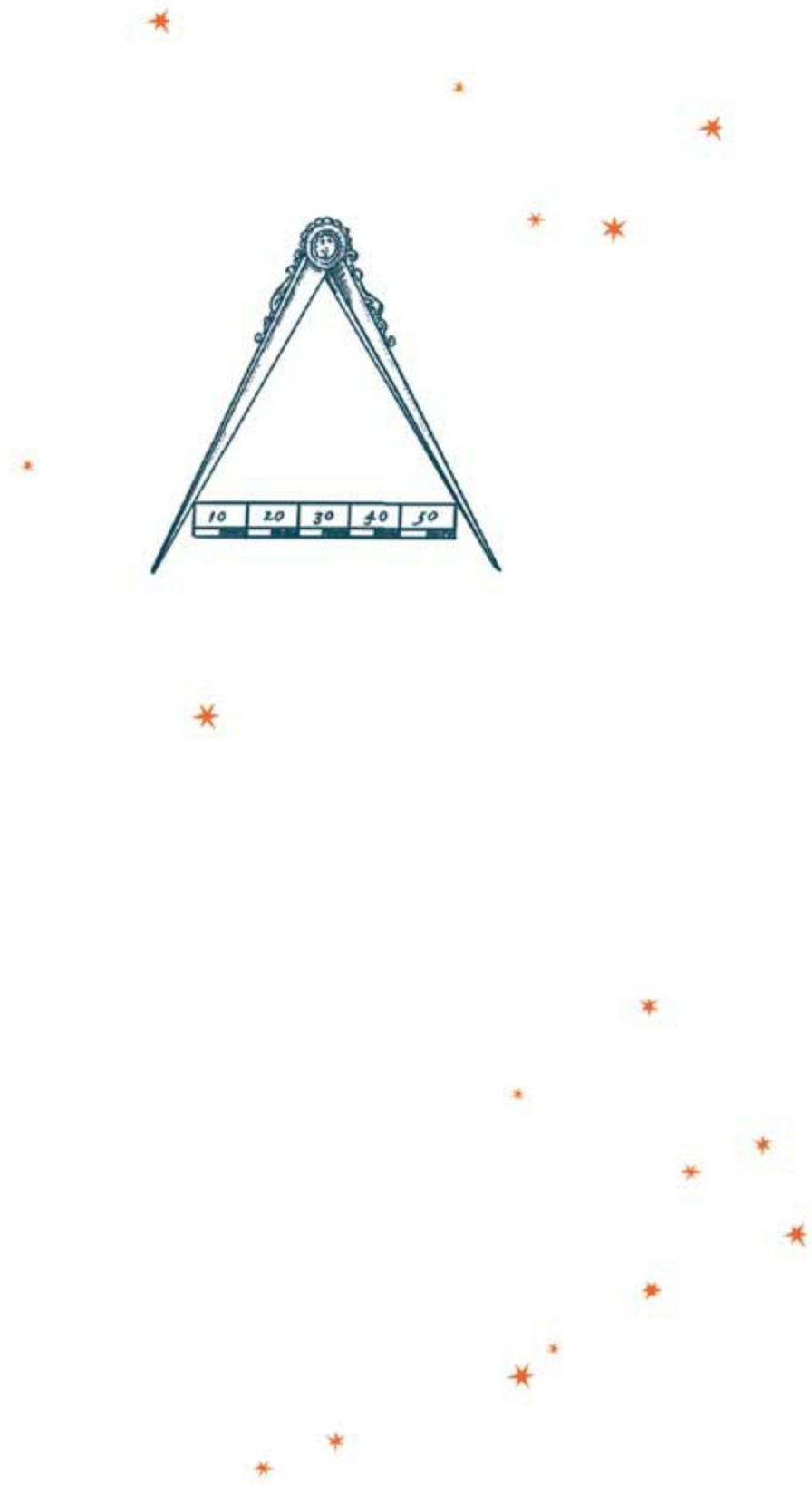
Изабелла живет на тропическом острове, затерянном в океане. Она дочь картографа, который передал ей все свои знания об этом уголке земли. Часть острова является запретной, и ее ревностно охраняет огненный демон — по крайней мере, так гласит легенда. Много столетий назад его пытались победить, но не вышло. Теперь же, когда покой их сонного городка нарушает известие об исчезновении девочки и внезапном появлении ужасных чудовищ, становится понятно, что кто-то пересек древнюю границу. Теперь только самоотверженность и храброе сердце Изабеллы, девушки в жилах которой текут чернила и которая умеет читать звезды, помогут спасти остров.

---

---

**Киран Миллвуд Харгрейв**  
**Девушка из чернил и звезд**

\* \* \*



*Для звезды, Сабинь Карер, на  $28.6139^\circ$  с. ш.,  $77.2090^\circ$  в. д.*

*И для тех, кто помог мне перенести чернила на бумагу  $51.7519^\circ$  с. ш.,  $1.2578^\circ$  з. д.*



Брак

# КАРТА ОСТРОВА ДЖОЙЯ

Громера

$28^{\circ} 05' 36''$  с. ш.

$17^{\circ} 06' 35''$  з. д.





Говорят, в тот день, когда прибыл губернатор, прилетели и вороны. Все птахи поменьше умчались в море, поэтому певчих птиц на Джойе нет. Только огромные, всклокоченные вороны. Я смотрела, как они сидят, нахохлившись, на крышах, предвестники недоброго, и шурилась, пытаюсь превратить их в зябликов и желтоголовых корольков, которых Па рисует по памяти.

Если очень-очень постараться, можно почти услышать, как они поют.

— Па, почему птицы улетели? — спрашивала я.

— Потому что смогли, Изабелла.

— А волки? Олени?

Па мрачнел, на лицо как будто наплывала тучка.

— Похоже, море было лучше того, от чего они бежали.

Потом Па рассказывал другую историю, про девочку-воина Аринту или далекое, сказочное прошлое Джойи, когда та была плавучим островом, и отказывался говорить про волков и улетевших птиц. Но я спрашивала и спрашивала, пока не настал день и ответы нашлись сами собой.

То утро ничем не отличалось от других.

Я проснулась на своей узкой кровати. Рассветные лучи только-только коснулись глиняных стен комнаты. Пахло подгоревшей кашей. Па, должно быть, поднялся уже давно — тяжелый глиняный горшок нагревался долго. Я слышала, как скребется за стеной, раскапывая крошки, Мисс Ла, наша курица. Ей исполнилось тринадцать лет, как и мне, но если для человека это мало, то для курицы очень, очень много. Перья у нее серые, а нрав грозный, и ее боялся даже наш кот Пеп.

В животе заурчало. Я потянулась и села. Пеп, лежавший у меня в ногах, громко мяукнул.

— Проснулась, Изабелла? — спросил из кухни Па.

— Доброе утро.

— Каша сварилась. И даже немного переварилась...

— Иду! — Я спустила ноги и разгладила жесткую, взъерошенную шерстку на боку кота. — Извини, Пеп.

Он заурчал и закрыл зеленые глаза.

Я умылась в раковине у окна, показала язык своему отражению в полированном металлическом зеркале над кроватью Габо и поправила его простыни, посеревшие от пыли, но все еще застеленные. Рядом с подушкой поднималась, горбясь, переговорная трубка — длинная, тонкая, полая. Па проложил ее для нас по стенам и потолку. Мы прижимались к трубке губами и переговаривались шепотом, хотя и лежали каждый на своей кровати в разных концах комнаты.

Прошло уже три года. Три года назад я сидела там, и рука моего брата-близнеца пылала в моей руке. Он угас за одну ночь, быстро, как спичка под ветром.

Но я и сейчас могла его вызвать. Легко. Мне это как вздохнуть.

Начинать день с печали не годится. Я тряхнула головой и натянула школьное платье. Оно было такое же большое, как и шесть недель назад. То-то Люпа — это моя лучшая подруга — будет смеяться и говорить, что я — самая маленькая в классе!

Расчесывать волосы я не стала, а только быстренько заплела — может, Па и не заметит,



что я не распутывала их все лето. Пеп катался по кровати, но в форме мне гладить его не разрешалось. Моя учительница, сеньора Фелиз, замечая на платье рыжие шерстинки, вытягивала руку и снимала их двумя пальцами с очень недовольным видом.

Я отвела в сторону занавеску, служившую дверью моей спальни, и осторожно переступила через Мисс Ла, которая недовольно закудаhtала, потому что я разметала ее кучку зернышек. Курица сощурила мутные глаза и, клюя в лодыжки, погнала меня в главную комнату, где мы ели, разговаривали и планировали приключения.

Миска с подгоревшей кашей затерялась в море карт на нашем большом, сбитом из сосновых досок столе. Другие карты висели, приколотые, на стенах и, когда я прошла мимо, зашуршали, словно шепчущий ветер.

Как всегда по утрам, я провела пальцем по бумаге — любясь тем, как серебристый пигмент африканских рек встречается с реками Эгипта, а сам Эгипет приникает к изгибу Европейского залива, словно две протянувшиеся через море и ухватившие одна другую руки. На противоположной стене висел схематичный рисунок побережья Амрики с ее неспешными океанскими течениями, помеченными странными, чудными именами: Замерзший круг, Исчезающий треугольник, Лазурное море. Бумага была выкрашена в красивый синий цвет, и течения выделялись на ней нитями. Отмечая их, Па пользовался тонкой, как волос, иглой — Лазурное море обозначалось золотой нитью, Треугольник — черной, а Замерзший круг — белой.

Но дальше, за восточным побережьем, не было ничего. И только одно слово протянулось через пустое, чистое поле.

*Инкогнито. Неведомое.*

Я почти чувствовала его разочарование в давно высохших чернильных буквах. Неблагоприятные приливы заставили его преждевременно вернуться на Джойю из последнего путешествия, и до прибытия губернатора на наш остров Па так и не довелось больше пересечь эту дикую пустошь. Губернатор Адори закрыл все порты и объявил границей лес, тянувшийся от берега до берега между нашей деревней Громера и остальным островом. Каждый, кто нарушал границу, подлежал высылке на другую сторону. Громера оказалась отрезанной от Джойи, по лесу развесили гирлянды колючек и громадные колокола, предупреждавшие губернаторскую стражу о каждой попытке пройти через лес. Как звонят эти колокола, я еще ни разу не слышала.

Па, я знала, мечтал заполнить белые пятна на картах Амрики, а вот я, больше всего на свете хотела пройти за лесную границу и составить карту Забытых территорий. Но ему я об этом никогда не говорила.

Карта, на которой показан весь наш остров целиком, была только одна, и висела она у Па в кабинете. Я называла ее картой Ма, потому что она принадлежала ее семье и передавалась из поколения в поколение, может быть, со времен Аринты, а это было тысячу лет назад. Для меня карта — знак того, что Ма и Па предназначались друг другу: он картограф, а карта — ее единственное фамильное богатство.

*«Каждый из нас несет на своей коже карту собственной жизни — в походке, даже в том, как мы растем, — часто повторял Па. — Посмотри на мое запястье. Видишь? Кровь не голубая, а черная. Твоя мать всегда говорила, что это чернила. Я — картограф до мозга костей».*

— Ты не принесешь кувшин?

Я вздрогнула от неожиданности — голос Па вернул меня в комнату. Я подтянула стул к

полкам, встала на него, осторожно сняла с верхней полки кувшин и поставила на стол, рядом с миской. Кувшин зеленый, как лес, а еще особенный, потому что он — последнее, что сделала Ма. Мы пользовались им только в первый школьный день, а еще по праздникам и дням рождения. Па держал его подальше, в надежном месте, и каждый раз тщательно мыл.

Иногда у меня получалось вспомнить Ма — темные, по большей части улыбчивые глаза, запах черной глины, с которой она работала, делала горшки для жителей деревни и всякие красивые вещицы для губернатора. А может, мне только кажется, что я ее помню. Как кажется, что слышу певчих птиц.

— Доброе утро, малышка. — Па, прихрамывая, вышел из кухни, и я подбежала, чтобы забрать у него ведро молока и чашки.

— Тебе нельзя ходить без палки.

Па сломал ногу еще в молодости, когда прыгнул с пристани эгипетского порта на палубу тронувшегося корабля, и теперь опирался на палку, вырезанную из куска рыбацкой лодки своего прадеда. В этой комнате у меня много любимых вещей, но палка — самая любимая. Легкая, как бумага, она держится на поверхности воды, но, что самое удивительное, светится в темноте. Па объяснял, что это из-за сока, но я-то знала — дело в магии.

Убрав на полку Гималайские горы, я торопливо освободила место на столе.

Па налил молока в мамин кувшин, опустился на лавку рядом со мной и усмехнулся.

— Какой карман?

Я закатила глаза.

— Левый.

— Правильный ответ. — Он задвигал бровями, похожими на двух больших черных гусениц, и вынул из кармана баночку.

— Сосновый мед! — Я отвернула крышку и втянула носом запах, от которого потекли слюнки. — Спасибо.

— В первый школьный день только самое лучшее.

Я пожала плечами.

— Это же только школа...

— Ну, если так, то придется мне съесть все самому... — Он взял открытую баночку и сделал вид, что выливает мед в рот.

— Ну уж нет! — Я забрала ее назад. — Ты прав, день сегодня очень важный. Даже не знаю, почему ты не приготовил две баночки.

Мед был вкусный, и я даже не заметила, что каша пригорела, а когда подняла голову, то увидела, что Па к своей даже не притронулся. Он сидел тихо, ссутулившись, о чем-то размышляя.

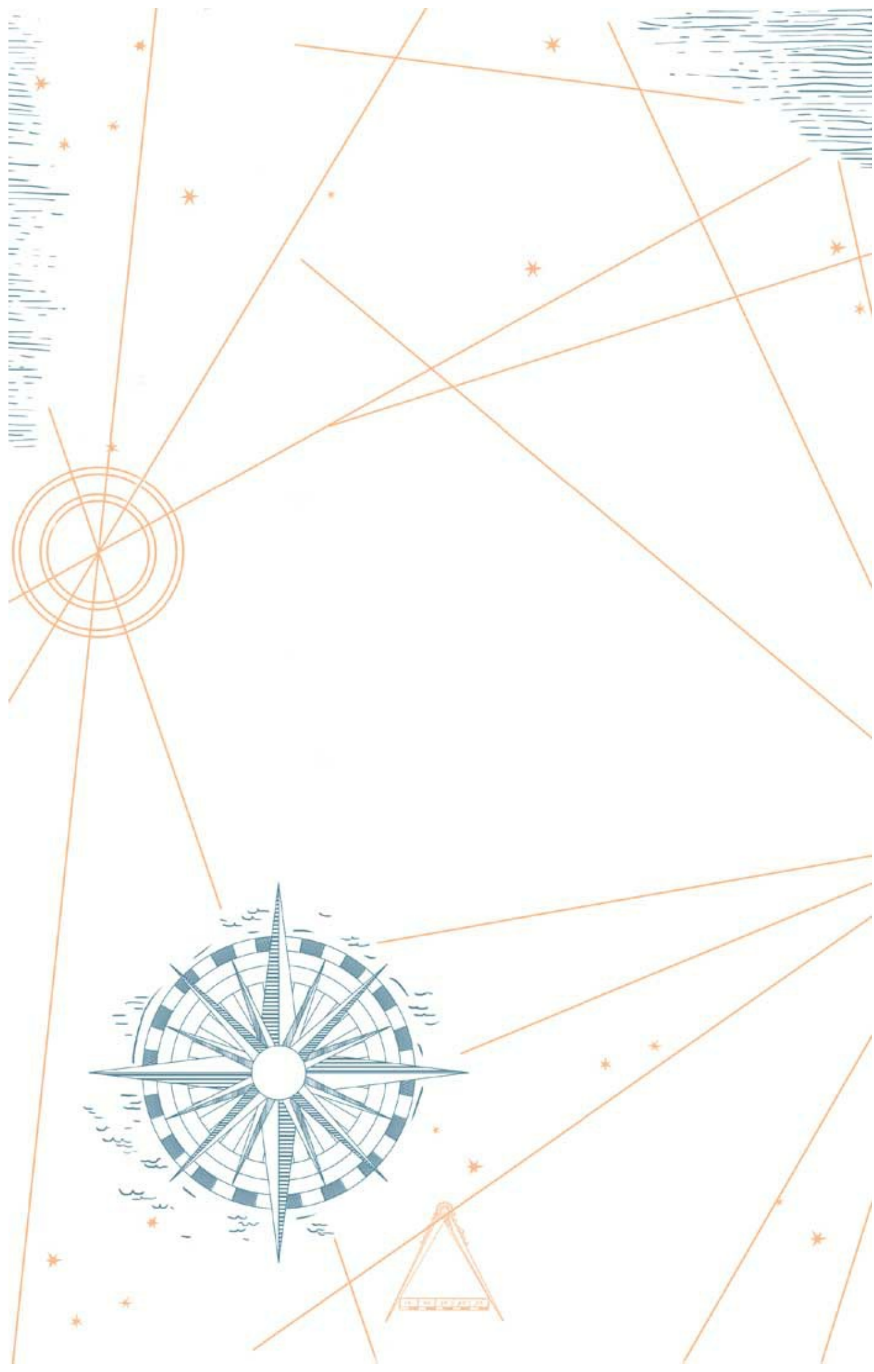
Его рука лежала на столе возле кувшина с молоком, и на запястье пульсировала жилка. Глаза смотрели куда-то отстраненно.

Первый день школы — тяжелый для нас обоих.

Я тихонько убрала свою миску, а его пододвинула к нему поближе.

— Пока, Па.

Он не ответил. Яхватила сумку, вышла из дому и осторожно, как только могла, притворила за собой зеленую облувленную дверь.





Наша улица спускалась прямой крутой дорожкой к Западному морю, и все дома вытянулись вдоль нее длинным рядом глиняных лачуг под соломенными крышами. Люпе называла их милыми. А я думала, что если ветер дунет посильнее, то эти лачужки покатаются кувыркком прямо в море.

Обычно я бежала к рыночной площади, скользя на подошвах вниз по склону, потому что воронам нравилось летать низко, и бегущий человек их распугивал. Но сегодня я решила, что просто пойду быстрым шагом — старшей школьнице не пристало носиться, как маленькой.

Маша, жившая в доме напротив, стояла у открытой двери. Я помахала и попыталась заглянуть ей за спину.

— Ищешь кого-то? — Она улыбнулась, и ее лицо разбежалось морщинками, как старая бумага. — Пабло уже ушел. Ты же знаешь, губернатору нравится, когда они приходят на работу до рассвета.

Своего сына, Пабло, Маша родила уже немолодой. Живот рос, а волосы седели, и старость сминала в складки лицо. Маша назвала его рождение чудом, и Пабло был чудом. Мы с Габо, как и все деревенские, относились к нему с благоговейным почтением — из-за его огромной силы. В десять лет Пабло поднимал обоих родителей, усадив их на плечи. Сидеть у него на закорках было все равно что лететь. Вот только я давненько его не видела.

Два года назад, когда у его матери разболелась спина, Пабло ушел из школы и занял ее место, хотя Маша и умоляла сына продолжать учебу. Теперь, в пятнадцать, он, словно картонные, таскал телеги и повозки и ухаживал за губернаторскими лошадьми.

— Взял подарок для Люпе, — добавила Маша и недовольно поморщилась, потому что не понимала, почему я дружу с губернаторской дочкой. — Я велела, как ты и просила, спрятать получше.

— Спасибо. Может, я увижу его завтра?

— Может, и увидишь. — Судя по тону, рассчитывать на это не приходилось. Пабло всегда вставал до восхода и возвращался домой затемно.

Я еще раз помахала соседке, закинула на плечо сумку и зашагала вниз по склону.

Отсюда, сверху, Громера напоминала колесо — в центре рыночная площадь, от которой, как спицы, расходились улицы, некоторые из которых заканчивались у широкой, тихой гавани с узким, как бутылочное горлышко, выходом в богатое рыбой море.

В ясную ночь звезды колыхались на водной глади, словно кувшинки.

Как всегда, там стоял на причале губернаторский корабль. Па говорил, что он вырезан из одного-единственного ствола африканского баобаба. Если так, то баобаб и впрямь громадное дерево, потому что судно почти перегораживало гавань в ширину, а мачта с собранными парусами стрелой устремлялась в небо. Над рыбацким флотом корабль высился горой, исполинской и неподвижной. Как и все, принадлежавшее губернатору, он занимал больше места, чем полагалось по праву.

На востоке в лучах восхода сиял губернаторский дом. Сложенный из черного базальта, размером с пять кораблей, особняк стоял между синим морем и зеленым лесом, нависая над полями темной грозовой тучей. Впрочем, отсюда он выглядел таким маленьким, что его, казалось, можно было взять двумя пальцами, большим и указательным, и раздавить. Ниже раскинулась деревня, а между деревней и губернаторским домом поместилась школа.

Старое здание школы было маленьким, но ярким, — мы раскрасили стены всеми цветами радуги, использовав краски, какие только смогли выпросить у Па. Но потом губернатор приказал его снести — Люпе решила, что не хочет больше учиться одна дома, и потребовала, чтобы ее отправили в местную школу, где учились все остальные дети.

Новое здание губернатор Адори построил из камня, и оно получилось вдвое больше прежнего, потому что школе, куда собиралась ходить его дочь, полагалось выглядеть величественной.

— Это не ради меня, понимаешь, — с грустной улыбкой сказала Люпе и, добавив аристократических ноток, пояснила: — Для поддержания семейной чести.

Раскрашивать стены новой школы нам не разрешили.

Из-за этого многие дети относились к Люпе не очень хорошо, но я знала, что она не виновата.

За губернаторским домом, рядом с лесом, лежал сад, в котором я ни разу не бывала. Работавшие там люди казались издалека крошечными муравьями. Я напрягла глаза, но Пабло так и не обнаружила. К западу черную береговую отмель накрывало приливом. Во время прилива находиться на берегу не позволялось, как не позволялось и спускаться на воду лодки — за исключением губернаторских. А мне бы так хотелось. Па рассказывал, как чувствуешь себя в море, но это ведь не то, что попробовать самой.

Над отмелью находились шахты, где добывали глину. Я старалась на них не смотреть, чтобы не вызывать одно из самых ясных воспоминаний о Ма — день, когда она взяла туда нас с Габо. Она показала, как привязаться лозой к драконову дереву — *делаешь вот такой узел и втираешь в ладони сок, чтобы крепче держаться*, — и по одному спустила в бездонную пасть. Габо испугался и стал дергаться и вертеться. Узел развязался, и Габо плюхнулся в мягкую глину. Когда они с Ма поднялись наверх из тьмы, он был весь, с головы до ног, в грязи. Я хохотала так, что чуть живот не надорвала.

Я помнила это. Помнила ту боль в животе. Как она вернулась потом, через два месяца, когда Ма умерла. Только тогда боль была острее, и никто не вынес никого из тьмы. Прошло три года, и та же болезнь, потливая горячка, унесла Габо. И теперь, через три года, при воспоминании о шахте и глине у меня сжимается горло.



Чтобы идти в школу вместе, Люпе всегда встречала меня возле бочки на краю рыночной площади, хотя из-за этого ей приходилось вставать почти так же рано, как и работникам.

К колодцу, когда я вышла на площадь, выстроилась очередь. С тех пор как река Аринтара начала высыхать, им пользовались все больше и больше людей.

Торговые ряды уже открылись, на прилавки выкладывали рыбу, зерно, кожу. Большинство прилавков принадлежали губернатору, и над ними, как лоскут неба, трепетали голубые навесы с изображением желтого, как солнце, медового лотка.

Я уже направилась к бочке, как вдруг кто-то схватил меня за руку. Я отпрянула от неожиданности и едва не опрокинула ближайший прилавок. Овощи и фрукты посыпались на пыльную землю.

— Эй! — возмутился продавец. — Ты что это делаешь?

Я обернулась — посмотреть, кто меня схватил. Это была женщина в зеленом балахоне — такие носили те, кто работал в саду. Если так, то ей уже надлежало быть там — опоздавших иногда секли плетью.

— Извините, — сказала женщина торговцу, ни на секунду не сводя глаз с моего лица. — Ты — Изабелла Риоссе?

— Да. А кто...

Незнакомка стиснула пальцы на моем запястье. Она была маленькая, только немножко выше меня.

— Кое-что случилось.

— Вы что это тут устроили? — Торговец выступил из-за кучек картошки.

— Ката, — прошипела женщина, не обращая внимания на торговца. — Ты ее видела?

Я нахмурилась.

— Катю Родригес? — Мы с Катой учились в одном классе, но за все время разговаривали едва ли больше двух-трех раз.

Она закивала.

— Да. Я — ее мать. Ката говорила, что вы подруги, вот я и подумала, что, может быть, ты знаешь, где она.

Мне стало неудобно. Да, правда, я относилась к Кате лучше, чем другие, но она была очень тихая, молчаливая, и большинство ее просто не замечали.

— Извините... мне...

— Я искала везде. Когда проснулась, Каты уже не было... — женщина порывисто вздохнула. Рука ее вспорхнула к груди, пальцы затрепетали, как будто ей не доставало воздуха.

— Ты! Что ты здесь делаешь?

Мать Каты вздрогнула. Один из людей губернатора решительным шагом направлялся к нам, и толпа расступалась, как пшеница на поле, перед синим мундиром.

— Если увидишь, отправь ее домой, — торопливо проговорила женщина и, повернувшись, побежала в направлении губернаторского поместья.

— Ну, посмотри, что натворила, — сердито укорил торговец, собирая раскатившиеся овощи. — Нет-нет, не помогай, не надо — уж как-нибудь сам.

Ошеломленная, я дошла до угла рыночной площади, где мы с Люпе всегда встречались. Было в лице этой женщины что-то такое, что потрясло меня до костей. Только бы с Катой ничего не случилось.

— Иза!

Я повернулась — Люпе мчалась через площадь, размахивая школьной сумкой, и деревенские шарахались от нее.

Друзей у дочери губернатора было немного, но ее это не так уж сильно беспокоило.

— А мне наплевать, — сказала она одной девочке, дразнившей ее из-за косичек, которые моя подруга носила по настоянию матери. — Изабелле они нравятся, а больше мне ничего и не надо.

Мы с Люпе были странной парой: она — высокая, почти как взрослая, и я — всего лишь

ей по плечо. За тот месяц, что мы не виделись, она, похоже, еще подросла. Ее матери это вряд ли нравилось. Сеньора Адори была женщиной изящной, элегантной, с печальными глазами и холодной улыбкой. Люпе говорила, что мать никогда не смеется, полагает, что девочкам не пристало бегать и они уж точно не имеют никакого права быть такими высокими, какой обещала стать ее дочь.

Люпе обняла меня крепко-крепко, потом отстранилась и смерила взглядом.

— Так и не вытянулась! — завистливо вздохнула она и тут же нахмурилась. — Что случилось? Ты вся бледная. Отец не позволял загорать летом? Меня мама не пускает, но я иногда выбираюсь...

— Ката пропала, — едва вымолвила я. — Только что видела ее мать.

— Ката?

— Да, — я закатила глаза. — Девочка, которая сидит сзади.

Люпе переступила с ноги на ногу. Вид у нее был такой, какой бывает у Пепа, когда он как ни в чем ни бывало уходит от разбитой миски.

Я пристально посмотрела на нее.

— Что?

— Что что? — Люпе повесила сумку на плечо.

— Ты что-то знаешь. — Я шагнула вперед.

— Нет, не знаю. — Она отступила на шаг.

Я вскинула бровь, как учил Па.

И Люпе сдалась.

— Уверена, ничего не случилось. Просто... Летом она работала на кухне, и вчера я попросила ее сходить в сад и принести...

— В сад! — В животе у меня заворочалось что-то неприятное. — Ты же знаешь, нам не разрешено туда ходить.

— Конечно, знаю, но я уже сто лет не ела драконова сердца. И что, в день рождения нельзя попробовать?

Сама я никогда не пробовала драконова сердца и даже плохо представляла, как оно выглядит, но знала, что у Люпе этот плод питахайи — любимое лакомство и что их выращивают в губернаторском саду на краю леса. Запретном для всех, кроме стражей и избранных слуг.

— Люпе, ты же понимаешь, что если Катю поймали, она сейчас наверняка в Дедало.

Моя подруга беззаботно отмахнулась.

— Ты снова о том же? Я тоже живу здесь, но никогда его не видела.

Это в ее духе — не замечать того, что прямо под носом. А Дедало — лабиринт — был как раз у нее под носом, потому что свой дом губернатор Адори построил ровно над природными туннелями, которые он потом превратил в тюрьму. Муж Маши провел там десять лет, прежде чем умер.

Люпе положила руку мне на плечи.

— Ну хватит ворчать. Ничего с ней не случится! — Она подтолкнула меня в сторону ведущей к полям узкой улочки. — Вот увидишь, сидит твоя Ката в классе да лопает мои драконовы сердца. Попробуешь и поймешь, какая это вкуснятина! И не забудь — сегодня вечером фейерверк!

Люпе терпеть не могла темноту, но фейерверки обожала. Они были необыкновенные — яркие, разноцветные, сверкающие, как звезды, — но мне не нравились, потому что слишком



пугали нашего Пэпа.

— Папа разрешил выбирать цвета. Будут золотистые, один голубой, два красных...

Мы шли коротким путем, через поля, и я слушала ее вполуха и старалась не беспокоиться. Наверно, Люпе права. Даже если бы стражники поймали Катю, они ведь не стали бы бросать девочку в Дедало только за то, что она украла немного фруктов? Я дала себе обещание быть особенно доброй с Катой в школе и, может быть, даже пригласить ее посмотреть фейерверк из нашего сада.

— Да ведь ты еще это не видела, — сказала Люпе и, остановившись, дернула меня за руку.

— Что?

Она вытащила из-под платья толстую золотую цепь, положила на ладонь и протянула. Под солнцем блеснул золотой медальон, украшенный гравировкой, которую я сразу узнала.

— Это Африка. Папа оттуда родом. Подарил мне на день рождения. Его когда-то моя бабушка носила.

— А внутри что?

Люпе пожала плечами.

— Па говорит, что смотреть нельзя, пока я не повзрелею. Ключ есть только у него.

— Симпатичный.

— И тяжелый. Но мне нравится. А больше я ничего и не получила.

Люпе выжидающе посмотрела на меня. Я попыталась сделать вид, что не понимаю, чего она ждет, но она так глупо улыбалась, что я не выдержала. Достала из сумки свиток, протянула ей и тоже улыбнулась.

— С днем рождения.

— Карта! Помеченная крестиком!

Карта была очень простая, без звездной линии и компаса, который заменяла стрелка с буквой С на конце. Сделать настоящую карту сокровищ, с множеством ключей мне просто не хватило времени.

— Сокровище, — я сжала ей пальцы.

— Так чего стоять! — крикнула Люпе и рванула вперед. — Догоняй!

Длинноногую, я бы никогда ее не догнала, но она была неуклюжая, неловкая, как хромой кролик, так что бежали мы наравне. Я мчалась через сухое поле, и сумка хлопала по спине, а легкие горели.

*Ката уже в школе, Люпе получит свой драконий фрукт, и все будет хорошо.*

Наконец Люпе добежала до «крестика», Х, заброшенного кроличьего садка, где Пабло спрятал мой подарок подруге. Внутри лежал пакетик из голубой бумаги. Люпе развернула бумагу — в пакетике находился простенький браслет из обрывков разноцветных нитей, которые я выпросила у Маши, и вплетенной в них одной-единственной золотой нити, которую я украдала из папиного кабинета. Особенных карт делать не приходилось, и я подумала, что он ничего не заметит.

— Мне нравится! — Люпе положила браслет на запястье, а я его завязала. — Это мой любимый подарок.

Только Люпе могла предпочесть шнурок из старых ниток медальону из чистого золота. И это мне в ней нравилось.

— Идем. — Я взяла ее потную ладошку и потащила к низкому прямоугольнику школы. Опоздание в первый день могло сойти с рук Люпе Адори, но старушке Изабелле Риоссе

сеньора Фелиз так легко это не спустила бы.

Мы снова побежали, прислушиваясь, не звонит ли колокол, и примчались вместе, хохоча, запыхавшись и держась за бока.

— Я... первая! — выдохнула Люпе.

— Нет... я! Я... раньше...

— Девочки! — в дверях школы появилась сеньора Фелиз — с кислой, как лимон, физиономией. В следующую секунду она узнала Люпе и сморщилась, как два лимона.

— Сеньорина Адори! Вам должны были сказать, я уже отправила к вашему отцу...

— Что такое? — нахмурилась Люпе. — Что случилось?

— Дело в том... Впрочем, отец сам вам скажет. Занятий сегодня не будет.

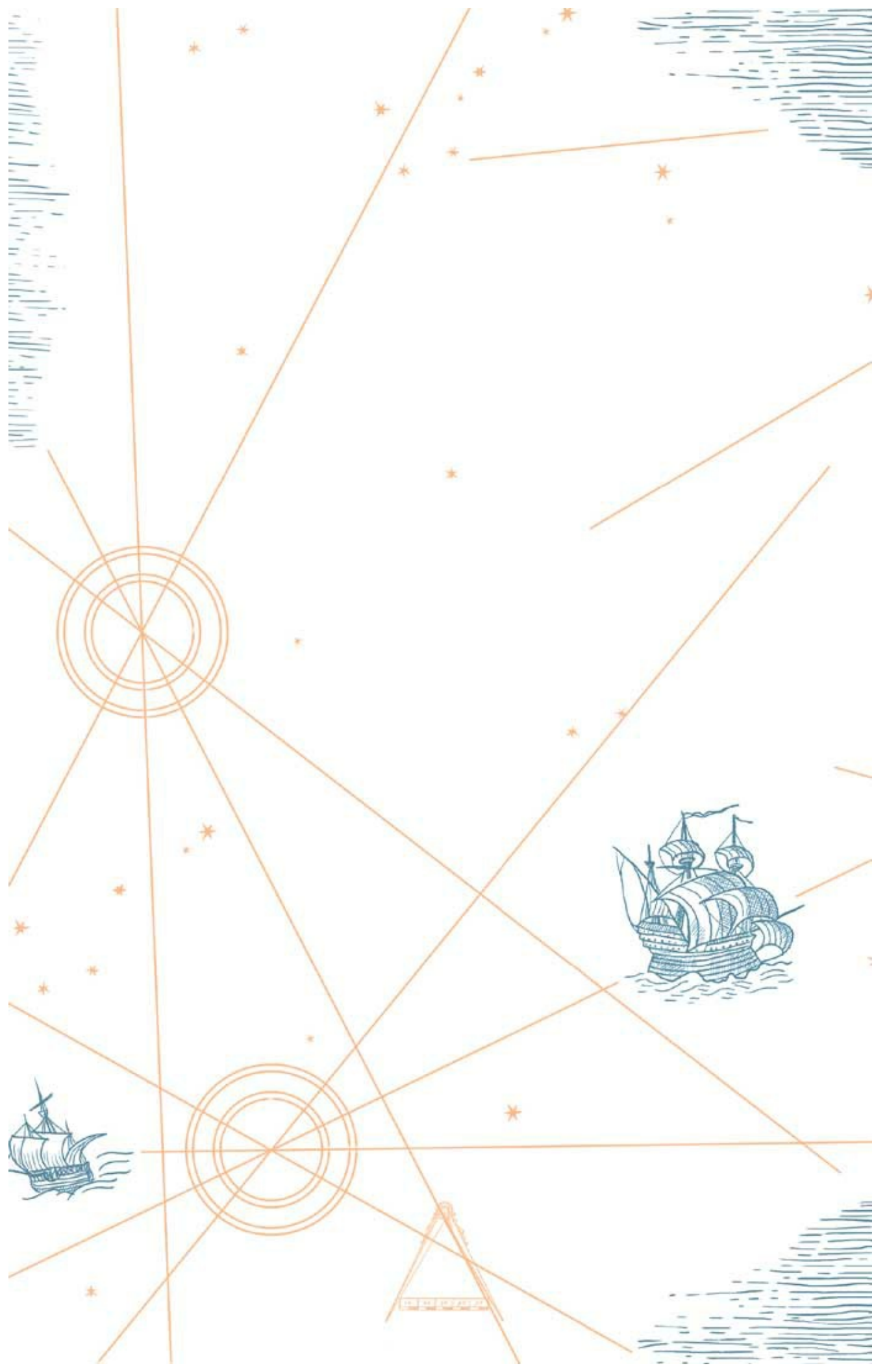
— Не будет? — тупо повторила я. — Но почему?

— Хватит! — рявкнула учительница, но тут ее взгляд остановился на чем-то у нас за спиной, и от лица сеньоры Фелиз как будто отхлынула кровь.

Мы обернулись — от деревни по разбитой, в рытвинах, дороге медленно ползла карета, запряженная парой лошадей мышастой масти. Лошади казались беспокойными — шарахались в сторону, трясли гривами.

Рядом с возничим сидели двое мужчин, и солнце играло на их мечах.

Синие шторы были задернуты, защищая пассажиров от жары. Но даже издали я различала за тонким шелком два силуэта: внушительный губернатора и стройный его хрупкой жены.





Карета остановилась перед школой. Возничий спрыгнул на землю, распахнул дверцу, и губернатор Адори развел шторы и ступил в пыль. Я подалась назад, в тень за спиной Люпе. Губернатор был ниже, чем мне представлялось, но широкоплеч, а его могучая грудь напоминала бочку.

Вблизи я никогда прежде его не видела, только верхом на коне на ежегодном параде, куда сгоняли всю деревню. Люди губернатора даже раздавали жителям синие флажки, чтобы те приветственно ими махали, и штрафовали тех, у кого флажок пачкался. Знал ли губернатор, что его дочь дружит с дочерью картографа?

— Идем, — сказал он ей.

Люпе нерешительно посмотрела на меня. Я разжала пальцы и отпустила ее руку.

— Папа, что...

— Никаких вопросов. В карету.

— А Изабелле можно?

Губернатор бросил взгляд ей за спину, и я опустила голову.

— Нет. Мы едем домой.

— Но мы ведь можем довести ее до деревни? — неуверенно предложила Люпе. Я знала, что ей не разрешают никого к себе приглашать.

Губернатор цокнул языком и, выбросив руку в моем направлении, нетерпеливо щелкнул пальцами.

— Живее.

Сеньора Фелиз поспешила вслед за нами.

— Извините, губернатор Адори. Я послала предупредить, но девочки шли через поля...

Губернатор раздраженно поднял руку, и она осеклась на полуслове. Он сделал нам знак — залезайте.

Не чувствуя под собой ног, я забралась в карету и села напротив сеньоры Адори. Заметив мои пыльные сандалии, она отвела в сторону юбки, поджала губы и принялась нетерпеливо обмахивать бледное лицо голубым шелковым веером. Па говорил, что она из Европы, и во всяком случае ее наряд это подтверждал — несмотря на жару, на ней было шелковое голубое платье с широкой юбкой. По щеке медленно ползла капелька пота, но сеньора Адори даже не попыталась ее смахнуть.

Мы тронулись. Я ехала в карете первый раз, но какого-то особенного волнения по этому поводу не чувствовала. Почему закрыли школу? И почему губернатор сам приехал забрать Люпе? Раньше он никогда так не делал.

Я отважилась взглянуть на него исподтишка. В тесной карете он выглядел еще внушительнее. Я заметила, что он смуглый, что кожа у него темнее, чем у Люпе, и почти такая же темная, как у Па. Глаза узкие, зрачки черные, как у змеи, и такие же холодные. В какой-то момент у его виска промелькнула стрекоза, и он поймал ее на лету одним быстрым, почти неуловимым движением, раздавил двумя пальцами и бросил на укрытый ковриком пол. Меня передернуло.

Сжав кулаки, я постаралась сдержать внезапный порыв гнева. Зачем он явился сюда? Почему обращается с Джойей так, словно она принадлежит ему, а не людям, жившим здесь столетиями? Из-за него я не могу увидеть весь наш остров, не говоря уже обо всем мире, и

папины умения картографа не находят достойного применения. Из-за него у нас нет больше певчих птиц. Маша винила его и в том, что пересыхает река, но Па говорил, что это уж просто суеверия.

В карете было жарко и темно. Ноги прилипали к бархату сидений. Хотелось откинуть шторы и посмотреть, что там, снаружи, но я зацепилась глазами за кольцо с ключами у него на поясе и не шевелилась. Люпе тоже чувствовала себя неудобно.

— Что происходит, папа?

Губернатор сжал и разжал кулак.

— Приедем домой, и мама все тебе объяснит. — Он коротко взглянул на меня.

— Что-то плохое?

Губернатор негромко хохотнул. Прозвучало это, как низкий, глухой удар колокола. Меня как будто резануло страхом. Почему он не может объяснить сейчас?

Никто не проронил ни слова, пока губернатор сам не нарушил молчание.

— Стоять! — рявкнул он, и лошади остановились. Карета качнулась, возничий спрыгнул на землю и открыл дверцу. Я отвела шторку, и по спине пробежал холодок.

Мы вернулись на рыночную площадь, но сейчас здесь не было ни души. Прилавки стояли пустые, и только лохматые черные вороны дрались из-за крошек на земле. Я ничего не понимала.

Обычно именно в это время жители Громеры спешили на рынок, чтобы сделать покупки до наступления полуденной жары.

— Иди домой, девочка, — негромко и твердо, голосом, не допускающим возражений, произнес губернатор. — Дальше мы тебя не повезем.

— Увидимся завтра в школе? — сказала Люпе, когда я открыла дверцу и повернулась, чтобы выйти, и в ее голосе прорезалась вопросительная нотка.

— Занятий не будет, — отрезал губернатор. — По крайней мере несколько дней.

В груди у меня застучал барабан. Я хотела спросить, что же все-таки случилось, но горло как будто засыпало песком. Губернаторская жена снова подтянула юбки подальше от моих сандалий. Вылезая из кареты, я расчетливо наступила на ее шелковую туфельку.

Губернатор повернулся, чтобы закрыть дверцу, но Люпе опередила его и, неуклюже наклонившись, крепко меня обняла.

— Постараюсь выяснить, в чем тут дело, — прошептала она мне в ухо. — Встретимся завтра у бочки? Как стемнеет...

Даже про фейерверк забыла!

Я кивнула. Возничий щелкнул кнутом, лошади взяли с места рысью, и мою подругу отбросило на спинку сиденья за шторкой.

Домой я прибежала, запыхавшись. Дверь была распахнута настежь, цветочный горшок лежал на боку у порога на смятых маргаритках. Я остановилась как вкопанная. Та самая паника, что несла меня на вершину холма, теперь тянула назад.

— Па?

Ничего.

Я сделала шаг вперед.

— Па!

В большой комнате его не было. С утра там ничего не изменилось, и чашка с недоеденной пригоревшей кашей все еще стояла на подстилке из карт. Стены легко покачнулись — то ли из-за карт, то ли потому, что у меня закружилась голова. И только

зеленый кувшин вернулся на свое место на полке.

В кабинете что-то зашуршало, и я облегченно выдохнула. Па верен себе — слишком занят работой, чтобы что-то услышать. Наверно, даже и не знает, что происходит за порогом. Я прошла к тяжелой занавеси и отвела ее в сторону.

— Па...

Ставни были открыты, и ветерок, залетая в комнату, шевелил лежавшие на столе бумаги. Этот шорох я, должно быть, и слышала, потому что стул был пустой. И на пергаменте на столе блестело какое-то пятно.

Не в силах остановиться, я протянула руку.

Пятно было мокрое. И мои пальцы испачкались красным.

Комната пошла кругом, в глазах потемнело.



*Каждый из нас несет на своей коже карту собственной жизни.*

Его голос. Почему он говорил так — холодно, медленно?

*Посмотри на мое запястье. Видишь? Кровь не голубая, а черная.*

И почему я точно знала, что он скажет дальше?

*Твоя мать всегда говорила, что это чернила. Я — картограф до мозга костей.*

Па был впереди и шел по темному туннелю домов, качавшихся под ветром, как деревья. Теперь они уже были деревьями, и Па протягивал мне руку с красной ладонью, а в кровавом месиве на груди спутались кожа и перья, черные перья, как те вороны, которых ловил Пеп.

*Мое сердце...*

Я видела сон. Па шел мне навстречу, и лицо у него было спокойное и пустое. Я оторвалась от горячей земли и потащилась назад, прочь от него, вдоль вытянувшихся в линию деревьев, прочь из сна.

Что-то тянуло меня за волосы. Мисс Ла. Я открыла глаза, и она громко и возмущенно закудаhtала и принялась носиться кругами. Я лежала на полу в кабинете. Пеп сидел у порога, с опаской наблюдая за мной. Но Па, где он?

Я взглянула на свои пальцы, и сердце заколотилось в груди. Пятно. Темно-красное пятно. Я медленно поднялась. Комната накренилась. Болело плечо. Пошатываясь, я прошла по дому, заглянула в кухню и сад, где на кусте табайбы Габо только-только появились похожие на звездочки цветочки. Мисс Ла и Пеп следовали за мной, но Па нигде не было.

Улица по-прежнему выглядела пустынной. Я держалась за дверную ручку, как будто земля была океаном, и отпустить ручку означало утонуть. В ушах снова стучало, и этот стук перекрывал жужжание насекомых и пронзительные крики воронов.

— Сюда, — я едва не подпрыгнула от неожиданности. — Иза, сюда.

Через щель в ставнях выглядывала Маша. Я отпустила дверную ручку и на деревянных ногах пересекла улицу.

Маша торопливо закрыла за мной дверь.

— Что ты делаешь там, одна?

— Па, его нет дома. И я не могу его найти, а на столе кровь... — Все это вылетело из меня само собой. Я протянула руку. Она дрожала, хотя я и приказала ей не дрожать.

— Иза, дыши.

Маша вытерла мне слезы и подвела к стулу. Потом разогнула мои сжатые пальцы, принесла с плиты миску с теплой водой и, смочив тряпицу, принялась оттирать пятно. Задняя дверь была открыта, и с пыльного двора тянуло легким ветерком.

— Это не кровь, — сказала Маша, хмурясь от усердия.

— Что?

— Это не кровь. Видишь? Я скребу, а оно не отскребается.

И действительно, пятно оставалось ярко-красным.

— Но если не кровь, то что тогда?

Маша пожала плечами.

— Чернила, надо думать.

— А где Па?

Из-за заднего порога донесся голос. Щурясь от солнца, я присмотрелась и разобрала на ярком, слепящем фоне силуэт широкой спины.

Пабло.

— Я видел, как он шел к рыночной площади. Живой и здоровый, только как будто испуганный. — Голос Пабло звучал не по-мальчишески звонко, но по-взрослому глубоко и даже с хрипотцой, как будто обламывался по краям.

Маша укоризненно поцокала языком.

— Так почему раньше не сказал?

Я с усилием сглотнула.

— А куда он шел?

— Наверно, решил забрать тебя из школы, когда услышал, что случилось.

— А что случилось?

— Так ты еще не знаешь? — негромко спросила Маша.

Я покачала головой.

— Может, нам лучше подождать, пока твой папа вернется... — сказала Маша.

— Нашли тело, — сказал Пабло.

— Пабло! — оборвала его мать.

— Что? Она хочет знать и так или иначе узнает.

— Ты хочешь попугать ее.

— Я не испугаюсь. — Я выпятила подбородок, показывая, что больше не плачу. — Можете сказать.

Маша отбросила тряпку, которой терла мои пальцы.

Пабло помялся, потом выпрямился и шагнул в тень.

— Сегодня утром в саду нашли девочку, — проворчал он.

Неверно истолковав мое молчание, Маша осторожно взяла меня за руку.

— Мертвую девочку. Убитую.

Молчание затягивалось, и первой его нарушила я сама.

— Кто она?

Маша посмотрела на сына. Он возвышался над ней, как гора. Два года вытянули его



вверх, сделали из него мужчину. А Габо? Рос бы он так же, как я, или быстрее?

— Ее звали Ката. Ката Родригес.

Несколько долгих секунд я смотрела на него, ничего не чувствуя, слыша его голос через пульсацию в ушах. Вопросы поднимались, как вода у плотины, и мне пришлось прижать ладонь ко лбу, чтобы остановить их.

Маша взяла меня за руку.

— Тебе надо отдохнуть.

Я открыла было рот, но соседка предостерегающе подняла палец.

— Ни слова больше. Знаю, ты беспокоишься об отце, но он человек умный, и с ним ничего не случится.

Я послушно кивнула.

— Губернатор распорядился ввести комендантский час, пока... пока они не разберутся со всем этим.

— Комендантский час?

— Нам всем приказано сидеть по домам. Может быть, твой отец застрял где-то и ждет, когда можно будет вернуться. Он не простит мне, если я оставлю тебя без присмотра. Тем более после убийства.

Мы, все трое, поежились.

— Пойду домой и буду ждать там, — я поднялась, но Маша решительно заставила меня сесть.

— Тебе надо отдохнуть.

Она поднялась, прошла мимо своего сына в сад и стала собирать что-то с приземистого куста у двери.

Пабло повернулся ко мне. Лицо у него было широкое, но уже не круглое, а как будто порезанное углами вокруг щек и подбородка. Только глаза остались прежними, темно-кариими. Я вдруг смутилась ни с того, ни с сего и опустила голову.

Маша вернулась в дом, налила воды из ведерка в кружку и протянула мне с двумя темными ягодами.

— Вот, выпей и съешь. Они помогут уснуть.

— Мне не надо...

— Ты пережила сильное потрясение. Съешь что-нибудь, а потом приляг в комнате Пабло и поспи, пока отец не вернется.

— Он не будет знать, где я!

— Я буду поглядывать в окошко. Глаз с улицы не спущу.

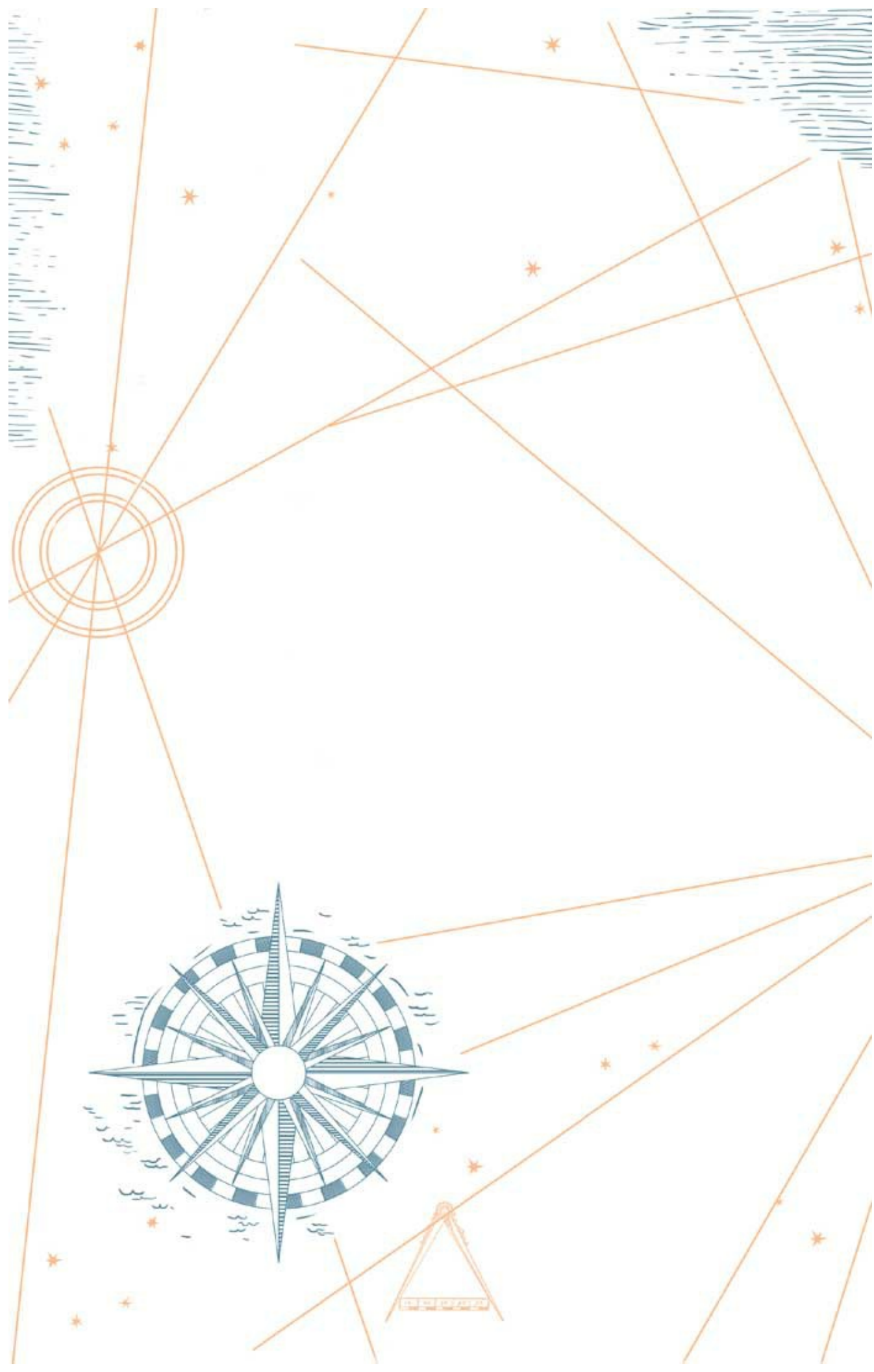
Маша положила на стол две ягодки. Я взяла их и прожевала. Ягоды были горьковатые, и от них чуточку защипало язык.

Съев без всякого желания немного хлеба, я прошла за Машей в комнату Пабло и легла на кровать. Мягкая подушка, пахнувшие лавандой простыни... После ягод появилось ощущение тяжести. Мысли носились по кругу друг за дружкой, как собаки за собственным хвостом.

*Ката мертва.*

*Сад. Драконово сердце. Люпе.*

*Ката мертва.*





*Бум!*

Я села. Сердце уже колотилось в груди. Комната Пабло была вся в огненных сполохах, но жара не чувствовалось.

*Бум!*

Я выглянула в низенькое окно. Воздух звенел от огненных искр, разлетевшихся в ночном небе, словно пригоршня сверкающих рубинов.

*Бум!*

Ну конечно! Фейерверк по случаю дня рождения Люпе. Я даже чувствовала запах, едкий, дымный, щекочущий в носу.

*Сера.* Люпе говорила, что это сера. Что фейерверки взрываются из-за нее.

Я снова опустилась на подушку. Фейерверки взорвались еще три раза, разрисовывая небо и комнату голубыми и золотыми красками. А когда последние потухли и, пошипев, умолкли, из-за закрытой двери в комнату просочился напряженный шепот.

Сердце дрогнуло и подпрыгнуло — я услышала знакомое постукивание папиной палки, а потом и его тихий, раскатистый голос.

— Она точно спит? При всем этом грохоте?

Я крепко зажмурила глаза. Что бы Па ни собирался сказать Маше, он не хотел, чтобы это услышала я, а значит, мне обязательно нужно это узнать. Дверь скрипнула и чуточку приоткрылась, потом снова закрылась.

— Спит без задних ног. Я дала ей кое-что.

— Спасибо, Маша. Она знает про Катю?

Я невольно сжала пальцами простыню.

— Да. Хотела подождать, пока вы вернетесь, но ей рассказал Пабло.

Па вздохнул, вслед за чем до меня донеслось невнятное бормотанье — скорее всего, Пабло извинялся, что не удержал язык за зубами.

— С ней все хорошо, — успокоила Маша. — Где вы были?

— Я пытался послать весточку, но...

Маша ждала. Я тоже.

Па осторожно прокашлялся.

— Сеньора Фелиз сказала, что Изу повезли домой, и я решил присоединиться к поисковому отряду.

— А как же комендантский час?

— Губернатор ничего не предпринимает — должны же мы что-то делать.

— Он даже не отменил фейерверк по случаю дня рождения дочери! — гневно воскликнул Пабло. — Что же это за человек такой!

Маша зашипела на него и снова обратилась к Па.

— Куда вы ходили?

— В сад. В лес нам не позволено...

— А почему? — снова вмешался Пабло. — Если бы я кого-то убил, то уж наверняка бы укрылся...

— Помолчи! — прикрикнула на него Маша, но Пабло не успокаивался.

— Адори наплевать на Катю, разве не так?

— Пабло! — Голос Маши прозвучал испуганно. Обвинять губернатора в том, что он делает что-то не так, было опасно. Те, кто осмеливался критиковать его, вдруг обнаруживали, что у них пропадает скот, который появляется потом на полях губернатора, а в их колодцы кто-то набросал грязи.

— Пабло прав, — согласился Па. — Адори ничего не предпринимает. И я согласен с тем, что тот, кто сделал это, скорее всего, скрылся на Забытых территориях.

— И кто же это мог быть? — спросила Маша. — Какие-то предположения есть?

Я выбралась из постели и тихонько подошла к двери.

— Возле тела нашли следы, — понизив голос, ответил Па. — На мой взгляд, напоминают отметины от лап, но таких больших собак у нас нет. Вмятины глубокие, размером с мой большой палец. А может, убийца сделал так специально, чтобы скрыть свои следы.

Стоять и слушать не было больше сил. Я распахнула дверь.

Па и Маша сидели за кухонным столом. Пабло стоял у окна. Увидев меня, Па неловко, припав на ногу, поднялся. Одежда вся в пыли, глаза покраснели, на рубашке красные чернильные пятна, но цел и невредим.

Я подбежала к нему.

— Кто это сделал? Почему губернатор не ищет того... — Мне пришлось сделать паузу и собраться с силами, чтобы произнести эти слова: — Того, кто убил Катю?

Они, все трое, смотрели на меня с одинаковым выражением, как будто понимали что-то такое, что было недоступно мне.

Щеки вспыхнули жаром.

— Должен же кто-то что-то делать!

— Хватит!

Я вздрогнула и проглотила все мои вопросы. Па никогда не кричал.

— Идем, — коротко сказал он.

Несколько метров до дома мы прошли в полном молчании, не имевшем никакого отношения к комендантскому часу.

Я отнесла Пепу в мою комнату, легла и прислушалась. Па прибрался в большой, а когда вошел, я притворилась, что сплю, но его не провести.

— Извини, что накричал. Не надо было. Просто... — он тяжело вздохнул. — Устал. И Ката... так ее жаль. Ну что, годится такое объяснение?

Я буркнула что-то.

— Может быть, за извинение сойдет история? — предложил он.

Я повернулась к нему. Пеп, недовольный тем, что его потревожили, ворчливо мяукнул.

— Почему ты не хочешь рассказать, что случилось?

— Как насчет Аринты?

Мифы о спасительнице Джойи — мои любимые, и пусть даже Люпе дразнилась и говорила, что в моем возрасте сказки на ночь уже не слушают, мне они нравились. Однако я еще не закончила сердиться, а потому повернулась спиной. Пеп снова зашипел.

— Ладно, — сказал Па. — Не буду мешать — спи.

Он начал подниматься, но я протянула руку за спину.

— Так и быть, история не повредит.

Па опять сел, а когда заговорил, в его голосе послышалась улыбка.

— Аринта была очень смелой девочкой. Она жила тысячу лет назад в центре Джойи,

когда та еще свободно, словно живой корабль, плавала в океане. Не было ни лесной границы, ни Забытых территорий, и на каждом дереве пели певчие птицы.

Но однажды живший под океанским дном огненный демон заметил прекрасный плавучий остров и захотел забрать его себе. Демона звали Йоти. Он был длинный, как река, и горячий, как солнце. Демон построил каменную колонну, поднялся по ней и, поймав Джойю, прикрепил остров к морскому дну. Жившие на Джойе люди испугались. Они знали, что он собирается забрать остров под власть Огненной страны, и тогда им придется покинуть свою родину.

Вместе со всеми печалилась и Аринта. Она любила Джойю, ее леса, море, певчих птиц. И вот однажды ночью Аринта стащила отцовский меч, выбралась из дома и пошла туда, где Йоти готовился проглотить Джойю. Девочка спустилась под землю по водопаду, нарочно вымокнув, чтобы уберечься от огня. Добравшись до логова Йоти, Аринта позвала его, но демон, хотя и услышал ее, свое дело не бросил.

Аринта не сдалась и набросилась с мечом на каменные стены, чтобы свалить их и обрушить на демона море. Йоти испугался. Он мог защититься от рек, но море просто поглотило бы его. Демон согласился не забирать остров, если Аринта остановится. На этом и порешили. Аринта ушла, оставив меч в камне, чтобы Йоти знал, что она сдержит обещание.

Па вздохнул.

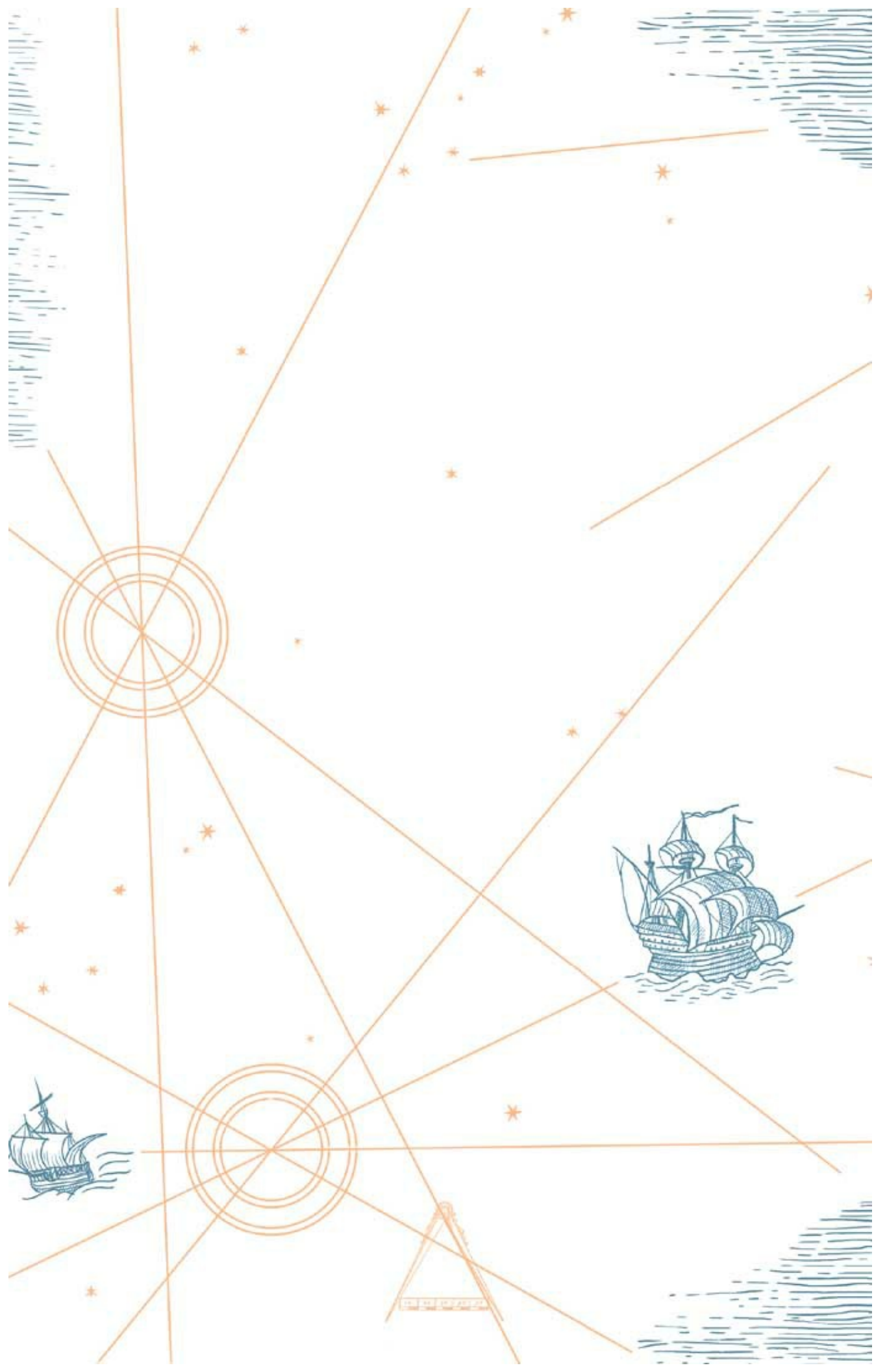
— Думаю, на сегодня хватит.

— Но ты же сам всегда говоришь, что истории надо рассказывать до конца, даже если они плохо заканчиваются, — сказала я, хотя и слышала эту историю столько раз, что могла бы рассказывать вместе с ним.

Па кивнул и заговорил быстро, так что слова напоззали одно на другое.

— Йоти был демон ленивый, но и гордый, и не хотел, чтобы островитяне знали, что его перехитрила девочка. Однако и уничтожить остров он, связанный тысячелетней клятвой, не мог. Поэтому демон послал за Аринтой своих огненных псов, которые гнались за девочкой, пока она не заблудилась.

Раз за разом отец Аринты отправлялся в туннели на поиски дочери, но больше ее никто не видел. Одни говорят, что она сама сделалась рекой, другие уверены, что она все еще там и ее дух следит за исполнением Йоти своих обещаний. Так или иначе Аринта заботится о Джойе, и ее жертва — это дар, который сильнее любого огненного демона.







— Доброе утро, малышка. Извини, что разбудил. Как себя чувствуешь?

Ответить громко я не могла — внутри затягивался узел беспокойства.

— Хорошо.

Я села, и Пеп спрыгнул с кровати.

— Мы пройдем сегодня по домам, — продолжал Па. — Будем спрашивать людей, кто что видел.

— А как же комендантский час?

— Что-то делать надо. Не беспокойся, — торопливо добавил он, заметив, что я нахмурилась. — Нас ведь не поймали вчера, правда? Если у тебя возникнут какие-то проблемы, просто позови Машу из окна. И держи дверь на запоре.

На секунду мне стало страшно — еще бы, сидеть дома одной. Но Па был прав. Ката заслуживала справедливости, а со мной оставались Пеп и Мисс Ла, а с ними одиноко не бывает.

Прежде чем он ушел, я вымыла и тщательно перевязала ему ногу.

Старый рваный шрам проходил от колена до лодыжки и напоминал красную вену. Прыгая с причала на палубу корабля в Египте, Па даже не знал, куда корабль направляется. Вполне могло случиться так, объяснял он, указывая на старинные карты, что мы могли уплыть за край горизонта, и никто бы нас больше не видел. Восточный берег населяют ужасные твари: гигантские рыбы с когтями и чешуей в полоску, как у тигра, одноглазые слоны с клыками и бивнями, острыми, как стекло. Древних картографов эти чудовища пугали все же меньше, чем неведомое.

Мне всегда казалось странным, что люди предпочитают чудовищ неведомому, но теперь я понимала. Там, снаружи, таился убийца, безымянный и безликий. И это было хуже, чем если бы нам сообщили, что у него четыре головы и длинные, как ножи, зубы. Когда Па уходил, я обняла его чуточку крепче, чем всегда.

— Ты здесь в безопасности, Иза, — сказал он. — Запри дверь.



В кабинете Па было полным-полно сокровищ, напоминавших о его путешествиях, но ни телескоп из Европы, ни астрономические таблицы из Китая не восхищали меня так, как то, что висело на стене над его рабочим столом.

Мамина карта Джойи. Сделанная до Изгнания, до прибытия губернатора, даже до того, как папина семья приехала сюда из Африки. Ее составили во времена, когда Джойя еще была плавучим островом. Па сказал, что если Аринта существовала на самом деле — а я это знала точно, — то она жила на острове, который выглядел примерно так, как и тот, что был на маминой карте.

Пока я смотрела на карту, Пеп запрыгнул мне на колени и удобно там устроился.

Ткань, блекло-коричневая, истончившаяся со временем и по мере пользования, стерлась по краям. Карта была далеко не подробная и основное внимание уделяла странным деталям. Громера представляла на ней крошечным поселением, каким она, должно быть, и была когда-то. Болото Марисма обозначалось синей нитью вместе с окружающим его лесом. Синяя звездочка отмечала Аринтан, тот водопад, через который Аринта, по преданию, спустилась на встречу с демоном Йоти.

Вдоль берега протянулись разбросанные неравномерно шесть деревень, самой северной из которых была Кармента. Центр оставался пустым, но если поднести карту к свету, на ней как будто проступали едва видимые, как прожилки листа, линии.

Интересно, как выглядит сейчас остальная часть Джойи? Я часто задавалась этим вопросом. Может быть, заросла лесом? Что случилось с теми людьми, которых губернатор выслал по прибытии сюда? Может быть, остальная Джойя пустынна и безлюдна?

Я почесала Пепу между ушей, потом потянула листок из стопки использованной бумаги, которую Па оставлял для меня. Картографии он учил меня с тех самых пор, как умер Габо.

Наверно, поначалу ему хотелось просто отвлечь меня, но со временем я увлеклась картографией всерьез. Я окунула перо в синюю чернильницу — на красную даже не взглянула — и начала изображать то, что, в моем понимании, представляли собой Забытые территории.

Ноги уже онемели, когда Пеп наконец пошевелился, соскочил с моих коленей и лениво потянулся. Разминая пальцы, я прошлась глазами по законченной наполовину карте. С масштабированием леса получилось не очень хорошо, но река с ее поворотами и изгибами удалась на славу.

Пеп замаякал. Напоминал, что время кормежки уже прошло. День спускался к сумеркам. Я наморщила лоб, стараясь вспомнить что-то, связанное с сумерками...

И тут меня словно подбросило. Люпе!

Данное Па обещание — не выходить из дому — остановило меня разве что на секунду.



Рыночная площадь выглядела такой же мрачной и жуткой, как и накануне, словно деревню захватили духи. На крышах каркали и дрались между собой вороны.

За пустыми прилавками сидела на бочке Люпе. Длинные ноги свисали из-под розового, пошитого из дорогой тафты платья. Как будто на бал собралась.

Увидев меня, она помахала. Похоже, ей было совсем не страшно.

Я прокралась к бочке.

— Думала, ты уже забыла! Хорошо, что договорились, правда? Ты фейерверк видела?

Я кивнула. Она соскочила с бочки, закужилась.

— Так тихо. Как-то непривычно, да? Странно.

— Все странно.

— А будет еще страньше, — Люпе вдруг остановилась на полуобороте. — Знаешь что?

— Что?

— Мы собираемся в путешествие! — она раскинула руки.

— То есть как?

— То есть так, — сказала Люпе, явно разочарованная моим тоном. — Папа, мама и я, мы отправляемся в путешествие. В Африку.

В Африку? Я постаралась переварить услышанное. Так что же, губернатор уезжает?

— Когда?

— Скоро! — радостно воскликнула Люпе. — Только ты никому-никому не говори. Папа сказал, что это секрет.

— Но это только путешествие? Вы же вернетесь?

Она кивнула, и несколько кудрявых локонов выскользнули из перехваченного лентой пучка.

— Конечно, а иначе папа ведь так бы и сказал?

Неужели?

— А на чем вы поплывете?

Люпе довольно усмехнулась, предвкушая, должно быть, как сразит меня наповал.

— Вот на этом.

Она указала на стоящий внизу, в гавани, губернаторский корабль, но я не могла отвести глаз от лица подруги. Чувство было такое, что передо мной кто-то чужой, незнакомый.

Я знала, что Люпе живет отдельно от других и из-за этого бывает порой эгоистичной. Но она была еще и добрая, и обычно, когда говорила какие-то глупости, у меня не возникало желания повернуться и уйти, жалея лишь о том, что мы вообще знакомы.

— Да что с тобой такое? — спросила Люпе. — Могла бы и порадоваться за меня.

— Да что с тобой такое? — прошипела я. — Как ты можешь вести себя так, когда Катя больше нет!

— Нет? Как это?

— Ты не знаешь? — злость разбежалась внутри меня крохотными, острыми иголками. — Не знаешь, почему на площади безлюдно? Почему введен комендантский час?

— Папа не говорит мне таких вещей...

— Папа забыл посвятить тебя в подробности? Потому что они чересчур ужасны для его дорогой доченьки?

— Почему ты такая злая? — спросила Люпе дрожащим голосом.

— Ката мертва! — крикнула я так громко, что вороны вскинулись над площадью черной спиралью. — Ты послала ее в сад, и кто-то убил ее там!

Произнесенные вслух, эти слова равно поразили нас обеих. Лицо моей подруги вдруг сделалось белым, как у ее матери.

— Я не знала...

— Нет, ты предпочла не знать! Тебе ни до кого и ни до чего нет дела, кроме того, что касается тебя лично. Ты ничего не понимаешь и тебе все равно...

— Мне не все равно! Я хочу знать! Расскажи, что случилось. Мне никто ничего не говорит!

Мы никогда раньше не ссорились, и теперь глаза у Люпе блестели от слез, но меня это не трогало. Гнев накручивал меня, и я говорила, говорила, словно, делая больно Люпе,

защищала от боли себя.

— Из-за того, что ты послала Катю в сад за драконовыми сердечками, она оказалась там в тот же вечер, что и кто-то плохой. Из-за тебя она умерла и уже никогда не вернется. А из-за твоего отца мы не узнаем, кто это сделал. Он ведь слишком занят твоим фейерверком, чтобы отвлечься на что-то еще. Он не желает посылать поисковый отряд в лес, где, как все говорят, скрывается убийца и...

— В лесу? П-п-почему не желает? — запинаясь, пробормотала Люпе. — П-п-почему?

— Потому что он — трус. Потому что прогнул насквозь. Потому что в вашей семье все прогнило, и с тех пор как он приехал сюда, здесь тоже все прогнило.

Люпе плакала, обхватив руками живот, как будто я ударила ее. Ногти впились в ладони, вырезая в них маленькие полумесяцы. Гнев выгнал страх, и я чувствовала себя всемогущей и всемогущей.

— Моя мама и Габо умерли из-за того, что вы приехали сюда. Твой папа не позволил пройти через лес, чтобы добыть лекарство. И вот теперь Ката тоже мертва, а ты просто убегаешь. Вы все убегаете в Африку, а расхлебывать кашу будем мы. Вот так, здорово.

— Иза, пожалуйста... — Люпе протянула умоляюще руки, но я топнула ногой.

— Бегите! Вы здесь никому не нужны.

Люпе посмотрела на меня — сморщенное лицо, слезы на щеках, — а потом повернулась и побежала, неуклюже вскидывая свои длинные ноги, к дому.

Я сердито пнула бочку, охнула от боли — досталось пальцу — и свалилась на землю. Гнев схлынул, ушел быстро, как и пришел, оставив пустоту. Что я наделала? Что натворила? Я обхватила колени. Как вернуть все назад? Люпе ничего не знала, не понимала...

— Изабелла? — Пабло наклонился с протянутой рукой. — Ты как?

Я сильно-сильно зажмурилась и только потом, убедившись, что слезы больше не текут, взяла его руку. Он потянул меня вверх с такой силой, что я взлетела.

— Извини. — Пабло посмотрел в переулочек, куда убежала Люпе. — Это не губернаторская дочка была?

— Люпе, — я шмыгнула носом. — Школьная подруга.

— Подруга? — он вскинул бровь. — Что-то не похоже.

Я потерла больной палец.

— Высказала ей кое-что...

— Слышал. Они вроде бы куда-то собираются?

— В Африку. На губернаторском корабле. Мне... — я замолчала, вспомнив, что Люпе просила никому не говорить. — Мне надо извиниться.

— Не надо. Пусть остынет, успокоится. А тебе надо домой.

Пабло повел меня через площадь, и мы уже поворачивали на нашу улицу, когда я заметила у него на предплечье свежий синяк.

— Что случилось?

Он бросил взгляд на руку и пожал плечами.

— Лошадь лягнула. Они в последние пару дней сами не свои. И козы тоже. Когда уходил, сгрудились все у ворот.

— Почему?

Пабло снова пожал плечами.

— Ты только не говори моей маме — у нее все знамения и прочее.

Мы почти не разговаривали уже несколько лет, но, поднимаясь по склону, я вдруг

обнаружила, что молчать с Пабло так же легко, как будто годы и смерть Габо на мгновение свернулись, и мы, трое, возвращаемся домой, проведя день у моря. Я хотела сказать об этом Пабло, но увидела, какое у него серьезное лицо, и воздержалась.

Примерно на полпути он сказал:

— Давай-ка прибавим, уже почти стемнело.

Солнце садилось. На каждой крыше сидело по ворону.

После убийства их стало как будто больше, словно они множились неким образом, восполняя отсутствие людей на улицах Громеры. Я шла, опустив голову. Пылавшая золотом под ногами пыль поблекла и к тому времени, как мы дошли до дома, до моей зеленой двери, окрасилась в темно-синие тона.

Пабло постучал, и дверь чуточку приоткрылась. В щели появилось встревоженное лицо отца. Увидев меня, он открыл дверь шире.

— Ты где была?

— Извини, Па. Я...

— Даже записку не оставила. Ты хотя бы представляешь, как я беспокоился?

— Он уезжает, — вмешался Пабло. — Губернатор. Собирается сесть на корабль и уплыть, а расхлебывать эту кашу придется нам.

— Оно, может, и к лучшему, — сказал Па.

Пабло покачал головой.

— Так просто ему не отделаться. Мы должны преподать урок...

Па многозначительно посмотрел на меня.

— Не сейчас, ладно?

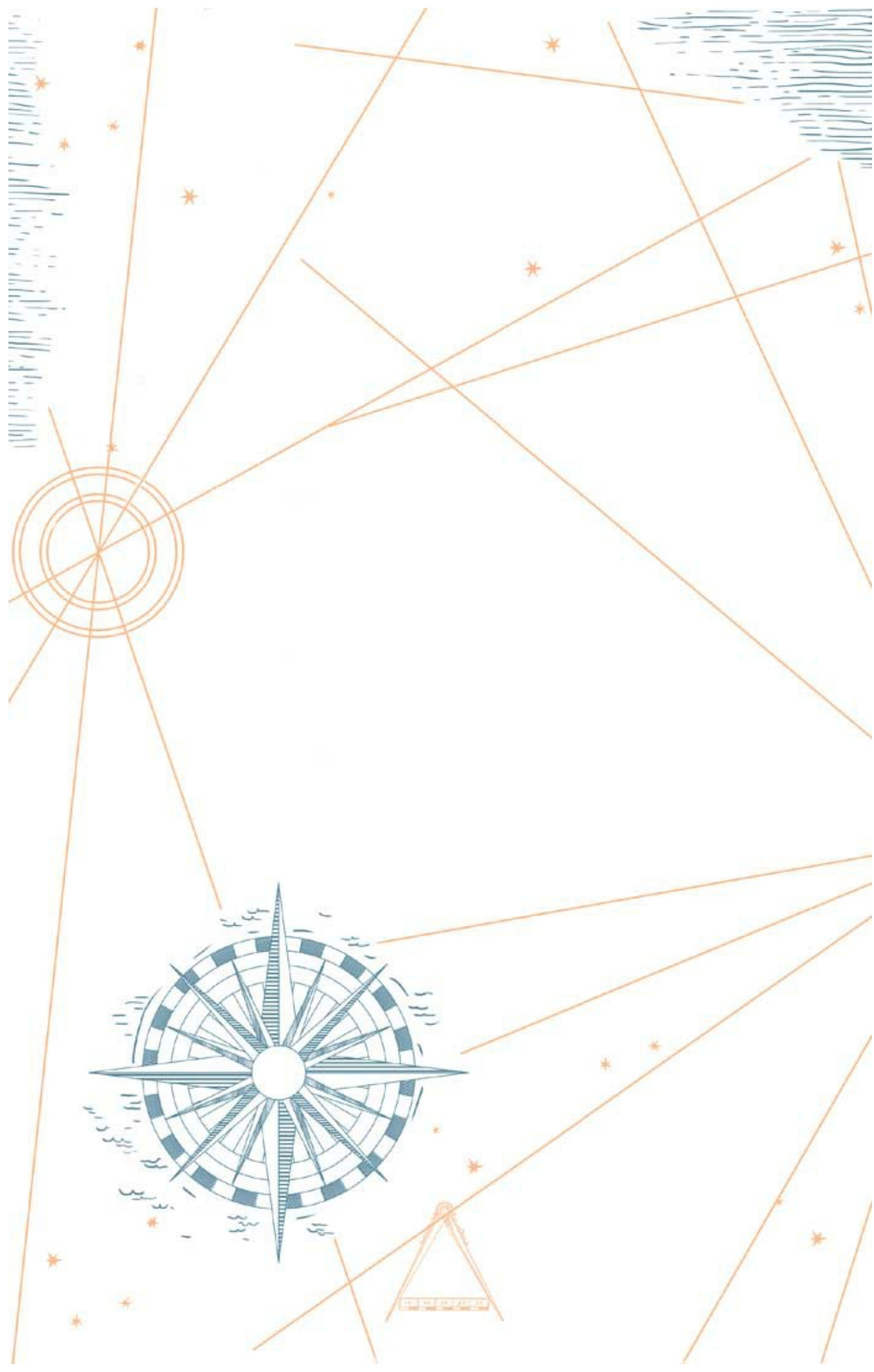
— Вы идете со мной? — упорствовал Пабло.

— Нет.

— Я могу побыть одна и... — начала я.

— Хватит, Изабелла, — отрезал Па.

Я ответила ему сердитым взглядом. Пабло исчез, не сказав больше ни слова и оставив после себя тяжелую, каменную тишину.





## Глава 6

Я посмотрела в потолок. Что-то было не так, что-то изменилось, но к лучшему или к худшему? Рассвет уже закрался в комнату, окрашивая желтым глиняные стены. Воздух как будто сгустился и облегал меня горячей, липкой простыней. Тишина стояла полная, даже слишком, и в ней висел непонятный запах, похожий на тот, что шел от пригоревшей каши, только более резкий.

Пеп сидел в дальнем углу комнаты и вздрогнул, когда я поднялась и протянула руку, чтобы его погладить. Шерстка встала дыбом, хвост распушился, как будто он готовился к драке.

— Пеп? — позвала я осторожно, но кот зашипел и метнулся под кровать Габо. Как была, в пижаме, я вышла из комнаты.

Па с усталым видом сидел за столом, потирая глаза.

— Привет, — голос после сна прозвучал хрипло. — Что-то не то с Пепом. Как будто чем-то напуган. Или на меня сердится.

— С Мисс Ла то же самое, — Па кивнул в сторону кухни. Наша курица отчаянно била крыльями по стенкам клетушки.

— Ей вечно что-то не нравится.

— Нет, — Па с обеспокоенным видом покачал головой. — Их что-то пугает.

Я оглядела кухню. На полу у задней двери валялись перья, а внизу самой двери виднелись царапины, словно Пеп или Мисс Ла, а может, и они оба, пытались вырваться из дома. В животе у меня что-то заворочалось.

— Что случилось?

В саду кто-то кашлянул, и я вздрогнула.

— Это Маша, — успокоил меня Па. — Принесла новости.

— Какие новости?

Он медленно покачал головой.

— Прошлой ночью случилось кое-что нехорошее.

Задняя дверь открылась, Маша вошла и тяжело опустилась на лавочку. На меня она не смотрела.

— Я и сам толком не понимаю, — продолжал Па. — Но, думаю, возможно, к этому как-то причастен Пабло. Нет-нет, с ним все в порядке, — торопливо добавил он. — Они с Горазом и еще кое-кто...

— Они что?

— Сделали большую глупость, — закончила за него Маша.

Я плюхнулась на лавку напротив них.

— Что?

— Надо было просто дать губернатору уехать, — сказала Маша. — Но месть всегда берет верх над здравым смыслом.

— Потише, Маша.

В груди застучало. Все из-за меня. Это я виновата. Я рассказала Пабло то, что узнала от Люпе.

— И что они натворили?

— Я сама туда ходила, — глухим, почти монотонным голосом заговорила Маша. —



Плохой знак, попомните мои слова. Что-то еще должно случиться. В последний раз я видела что-то подобное, когда улетели певчие птицы...

— Пожалуйста, Маша, — попросил ее Па. — Не надо.

— Но так оно и есть. Это недобрый знак. Пабло сказал, животных они не трогали. Только корабль.

— Животные? Корабль? — Прежде чем голова успела за телом, я сунула ноги в сандалии и дрожащими пальцами отодвинула задвижку на двери.

— Нет, Изабелла! — Па начал подниматься, но нога подвернулась, и он едва успел ухватиться за палку.

Ждать его я не стала.

Вдалеке клубился, поднимаясь над гаванью, дым.

Я побежала.



У края воды толпились люди. Тот же резкий, неприятный запах стоял в воздухе, смешиваясь с дымом, и от него перехватывало горло.

Дымная пелена постепенно рассеялась, и за ней проступило кое-что еще: обуглившиеся останки губернаторского корабля, почерневший корпус, превратившиеся в пепел паруса.

Едкий дым напомнил слова Пабло.

*Губернатор. Собирается сесть на корабль и уплыть, а расхлебывать эту кашу придется нам... Так просто ему не отделаться. Мы должны преподать урок...*

Вверху, словно стая черных мух, кружили вороны. Добежав до столпившихся на берегу жителей деревни, я начала пробиваться вперед, ныряя под локти и огибая ноги.

Несколько лет я мечтала о том дне, когда смогу войти в море, но теперь, ступив в воду, даже не вспомнила о своей мечте. Первые волны коснулись края пижамы, и я наконец остановилась и огляделась.

Передо мной, заполнив всю гавань, покачивались на воде тела мертвых животных: коров, лошадей, кур и коз. И на всех — губернаторское клеймо. Вороны уже начали спускаться, выбирая добычу.

Неужели это тоже сделали они, Пабло и его друзья? Я не могла в это поверить. Ноги подкосились, но крепкие, сильные руки подхватили меня под мышки и потащили через толпу.

Потом пришли другие звуки: громкие голоса, крики...

Толпа схватилась с губернаторской стражей, синяя форма смешалась с серыми и коричневыми одеждами селян. Я попыталась вырваться из рук, продолжавших тащить меня прочь, но они были намного сильнее.

Пабло, это снова был он, только лицо как будто постаревшее. Он подхватил меня на руки и побежал. Другие тоже бежали.

Я вытянула шею над его плечом и в какой-то миг, словно время вдруг остановилось, увидела перед собой всю ужасную, отвратительную картину: залив с утонувшими животными, кровь на песке, стражников губернатора, загонявших людей плетью в тюремные повозки-клетки.

Я крепко зажмурилась, чтобы ничего не видеть, но за веками вскипали и опадали черно-красные волны.

Потом Па говорил что-то мне в ухо, дверь открывалась и закрывалась, чья-то ладонь гладила меня по голове. Меня пронесли мимо шепчущих карт и положили на кровать.

— Чертова нога. Из-за нее я и не успел...

— Мне надо уходить. Они придут за мной.

— Так это ты? Корабль и...

— Корабль — да, но не животные. Мы всего лишь выпустили скот из загона, но в воду никого не загоняли.

— Я тебе верю. Мне пришлось запереть Мисс Ла и Пепа в кабинете. Они всю ночь пытались вырваться.

— Мне пора, — я услышала, как Пабло идет к выходу, но тут в дверь постучали.

Я села.

— Кто там? — нервно спросил Па.

Ответа не последовало, только еще один удар в дверь.

— Беги! — шепнул Па.

Я услышала, как Пабло метнулся к задней двери и споткнулся о лавку. И тут же передняя дверь распахнулась от очередного пинка.

В комнату вошел мужчина в синей форме губернаторской стражи. Высокий, с изрезанным шрамом лицом и кустистыми бровями над холодными серо-голубыми глазами. Не сказав ни слова, он отвел руку с хлыстом, но я вскрикнула, и Пабло повернулся и пригнулся, так что удар принял на себя стол.

Пабло бросился на стража, повалил на пол и, вырвав хлыст, отшвырнул подальше, к противоположной стене. Он уже поднял руку, но Па схватил его за запястье.

— Уходи!

Пабло растерялся на мгновение, потом бросился к болтавшейся на петлях передней двери, но вдруг остановился и медленно отступил. На пороге появилась Маша с набухающим на лбу синяком. Второй стражник шел следом, держа ее за связанные за спиной руки.

Пабло словно поник. Первый стражник поднялся и сплюнул на пол кровь. Пабло протянул руки, и страж, сняв с пояса наручники, защелкнул их у него на запястьях, после чего ударил арестованного по лицу.

— Пожалуйста, — запричитала Маша, — он ведь всего лишь мальчишка!

— Молчать!

Второй стражник тоже отцепил с пояса наручники.

— Она же ничего не сделала! — запротестовал Пабло.

— У нас приказ.

Третий стражник выкручивал руки Па.

— Его тоже там не было, — я выбежала вперед. — Он был дома, со мной.

— Я не могу оставить дочь одну, — Па пытался сопротивляться, но его никто не слушал.

[Купить полную версию книги](#)